

УДК 34.343.2

ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК «ЧАСТНОЕ» СРЕДСТВО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

М. В. Бавсун

доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника по научной работе
Омской академии МВД России

Категории преступлений представляют собой один из наиболее стабильных уголовно-правовых институтов. Его трансформация, как правило, сопряжена с существенной корректировкой не только норм Общей и Особенной частей уголовного закона, но и практики их применения. Институциональный характер классификации общественно опасных посягательств вынуждает законодателя подходить к его изменениям предельно аккуратно, обычно не меняя при этом его сущности. Особое внимание в связи с этим привлекают те новеллы, которые были внесены в ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации в 2019 г., по сути, коснувшиеся лишь одного преступного посягательства (ст. 264 УК РФ), что позволяет вести речь о реализации «частного» подхода в категоризации преступлений. Современной уголовно-правовой доктрине в дальнейшем еще предстоит критическое осмысление указанного нововведения. В свою очередь данная работа представляет собой одну из первых попыток научного обоснования его появления в УК РФ, включая собственные предложения по корректировке вновь появившегося законодательного предписания.

Ключевые слова: категории преступления, уголовная ответственность, дифференциация, неосторожные преступления, классификация.

Ужесточение ответственности за посягательства, совершенные по неосторожности, которое произошло в 2019 г., в основном было спровоцировано неспособностью ранее принятыми мерами существенно уменьшить объем вреда, следующего в результате поведения виновных в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Представляется крайне важным тот факт, что львиная доля случаев подобного рода при этом приходится на нарушение правил дорожного движения в ходе управления транспортным средством в таком состоянии, что влечет за собой причинение смерти другим лицам. Собственно, именно указанные обстоятельства, наряду с повторяющимися на систематической основе трагическими ситуациями, зачастую имеющими резонансный характер, вынудили законодателя пойти по пути усиления средств воздействия, и сделать этого нельзя было, обойдя стороной категории преступлений. Мера вынужденная (хотя и беспрецедентная), отчасти понятная и отчасти оправданная. Вместе с тем нельзя не отметить, что категории преступлений в данной части были изменены исключительно ради одного преступного посягательства, что и позволяет вести речь о так называемом частном подходе в категоризации преступлений.

Случай даже в историческом контексте развития отечественного уголовного законодательства исключительный, ранее аналогов не имевший, оттого вызывающий максимальный интерес, прежде всего с позиции его доктринального обоснования. Отсюда неизбежным является возникновение одновременно нескольких вопросов. Первое: насколько допустимым является частное вторжение в сферу, потенциал которой изначально закладывался исходя из идеи регулирования целого направления, а не отдельно взятых ситуаций? Второе: возможно ли влияние тех или иных обстоятельств, хотя и имеющих резонансный характер по тяжести причиняемого общественным отношениям вреда, тем не менее относящихся к отдельно взятому преступному посягательству? И, наконец, третье: что из себя будет представлять институт дифференциации уголовной ответственности

посредством категоризации преступлений в дальнейшем, в случае расширения продемонстрированного законодателем подхода применительно к ст. 264 УК РФ?

Последовательно, рассуждая о каждом из поставленных вопросов, необходимо отметить, что фрагментация (помноженная на его детализацию) уголовного закона в последнее десятилетие составляет основной тренд его развития [1, с. 97–98]. И в этом отношении правовая регламентация отдельно взятого случая в рамках категоризации преступлений вполне, что называется, вписывается в существующие реалии. Проблема подобного рода не является новой, а с каждым изменением законодательства лишь приобретает дополнительный импульс. Категоризация в ее новом видении выступает одним из наиболее ярких примеров нарушения уголовно-правовой традиции, в рамках которой категории преступлений выступали критерием, пронизывающим все институты, и существовали вне зависимости от конкретных видов преступных посягательств. Немало вопросов вызывает и возникающая в связи с этим серьезная трансформация потенциала категорий преступления в процессе дифференциации уголовной ответственности. Присущий ей «сквозной» характер, причем как в Общей, так и в Особенной частях УК РФ [2, с. 105], в данном случае явно нарушается, производя целый уголовно-правовой институт в ранг частного правила. И это тоже выходит за пределы самой идеи категоризации и ее реализации в отечественном уголовном законодательстве начиная с Уголовного уложения 1903 г.

С этих позиций произошедшие изменения сложно оценить как позитивные, а их критика выглядит вполне логичной и обоснованной. Однако, как и у любого нового подхода, критическая составляющая всегда не единственная, зачастую можно рассуждать и о положительных аспектах случившегося изменения. И здесь необходимо обратиться ко второму вопросу, заявленному в начале работы, имеющему отношение как раз к преступному деянию, которое выступило в качестве столь кардинального пересмотра уже давно ставшей традиционной позиции законодателя. Как было отмечено выше, в роли мотивирующего фактора для законодателя выступили так называемые дорожно-транспортные преступления. Исключительно они же и попали под регламентацию нового правила, сформулированного в ч. 3 ст. 15 УК РФ, будучи отнесенными к категории тяжких посягательств, совершаемых по неосторожности. Причем, исходя из фактически уже существующего наказания в виде лишения свободы (чч. 4, 6 ст. 264 УК РФ), речь идет о данных посягательствах, которые совершены только в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Таким образом, на сегодняшний день новое правило, закрепленное в ч. 3 ст. 15 УК РФ, распространяется даже не на одну статью Особенной части, а лишь на две части одной статьи.

Между тем последующая реализация вновь сформулированного положения хотя и потенциально, но способна повлечь за собой ужесточение подхода ко всем, кто совершил преступления с данной формой вины, в том числе и при отсутствии состояния опьянения и, что важно, допустил общественно опасные последствия при иных обстоятельствах, не связанных с управлением транспортными средствами. Более того, эти последствия смогут наступить в крайне сложных для субъекта правоотношения условиях, когда он действительно мог и должен был предвидеть возможность общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но сделать в данной конкретной обстановке это было непросто. Ситуаций, что называется, «на грани», судебная практика знает множество, когда отмеченные критерии — «мог и должен...» — далеко не всегда объективно подтверждаемы, но лицо все равно признается виновным [3, с. 125–134]. Давление критерия целесообразности на судей зачастую оказывается доминирующим. Между тем такая обстановка может быть обусловлена факторами различного характера. Особенно это касается многочисленных преступлений, связанных с нарушением правил различного рода (ст.ст. 215–215.4, 216, 217–217.2, 218, 219, 293 УК РФ, а также крайне сложные для квалификации: ст.ст. 238, 238.1 УК РФ), где сложность расчетов,

а также необходимость учета всех возможных вариантов развития событий далеко не всегда подвержена однозначно правильному анализу. Отсюда и отношение тех, кто допустил наступление таких последствий, в сравнении с отношением виновных, действующих в состоянии опьянения, является различным, а его уравнивание недопустимо. На данный момент перечисленные преступления (в рамках последних частей, за исключением ст. 238.1 УК РФ) относятся к категории средней тяжести и, на первый взгляд, произошедшие изменения в ст. 15 УК РФ к ним отношения не имеют. Однако при ужесточении законодательного подхода, теперь уже только к их санкциям, они автоматически переходят в категорию тяжких со всеми вытекающими из этого последствиями.

Между тем ошибка, обусловленная объективными обстоятельствами (и даже низкими знаниями в условиях обязательности их наличия), и откровенно пренебрежительное отношение к чужой жизни или здоровью (расчет на авось, а не на свои навыки и умения) не тождественны. Следовательно, и ответственность, даже в рамках пределов, установленных категориями преступлений, не может быть уравнена. Фактическая разность таких ошибок уже давно требует соответствующего законодательного закрепления. К сегодняшнему дню назрела потребность разделения именно уровней их репрессивности. Такое разделение должно нести в себе в том числе и элемент справедливости за счет различной оценки неоднородных по своей сути заблуждений (неосторожного поведения) виновных лиц [4, с. 69–73].

Что интересно: для того, чтобы категоризация преступлений в институте дифференциации уголовной ответственности вновь стала выполнять сквозную функцию, надо сделать всего один шаг — расширить в Особой части УК РФ перечень преступлений, совершаемых по неосторожности, наказание за совершение которых в виде лишения свободы будет превышать десятилетний рубеж. Представляется, что рано или поздно такой шаг будет сделан, и тогда, восстановив категоризацию преступлений (в данной части) в статусе института, мы тут же получим вопросы, связанные с его соответствием началам справедливости. По всей видимости, решая одну проблему («пьяных ДТП»), столь серьезно волнующую современное российское общество, особое внимание необходимо было акцентировать именно на ней, не оставляя при этом потенциальную возможность усиления ответственности за все преступления, совершаемые по неосторожности, хотя последние представляют не меньшую сложность. Тем не менее ее решение в рамках института категоризации должно происходить несколько иным образом.

Очевидно, что это проблемы разного рода, где не применим единый критерий дифференциации. Вместе с тем такая взаимозависимость объективно обусловлена, что объясняется именно сквозным характером категоризации преступлений. Соответственно, любые, даже незначительные изменения ее отдельных правил, способны оказать серьезное влияние на целые направления правовой регламентации и практики применения уголовной ответственности. Именно это мы наблюдаем и в нашем случае, когда трансформация законодательного подхода к одному преступлению создает потенциальную угрозу для реализации идеи справедливости в общем и целом.

Отсюда вполне закономерным выглядит ответ и на третий вопрос: к чему приведет дальнейшее реагирование на последствия, которые наступают в результате совершения отдельно взятых преступлений? Производным от него является и другой вопрос: каково при этом будет состояние самих категорий преступлений и института дифференциации уголовной ответственности? Необходимо отдавать себе отчет в том, что уголовный закон — это, прежде всего, система, а изменение ее отдельных элементов не может происходить изолированно от других, тем более когда мы ведем речь об изменениях посредством трансформации целых институтов, вроде той же категоризации. Недооценка степени влияния того или иного института на смежные категории способна создать лишь дополнительные проблемы, которые могут приобретать самый неожиданный характер. При этом сами категории, с усилением зависимости от отдельных видов

преступлений, имеют перспективу дальнейшей фрагментации и, как следствие, потери своего институционального статуса.

В итоге мы имеем дилемму — важность сохранения тех идей, которые были в каждый институт (в том числе и категоризацию) заложены в ходе его формирования, на фоне постоянной и достаточно острой потребности в решении насущных потребностей, которые стали актуальными уже в период устоявшейся практики применения того или иного базового начала. И то и другое абсолютно необходимо, и то и другое, как представляется, можно и нужно сохранить, что является возможным за счет реализации различных подходов как на доктринальном уровне, так и на уровне законодательной техники.

Возвращаясь к обозначенной проблеме, необходимо отметить, что потребность в трансформации ранее сформировавшихся подходов в зависимости от меняющихся условий объективной действительности будет существовать всегда. И законодательная позиция так или иначе будет и, более того, должна подстраиваться под новые угрозы и вызовы преступности. Без соответствующей реакции противодействие новым преступным проявлениям за счет применения только старых методов заведомо будет неэффективным. Таким образом, появление новых форм и средств, необходимых для адекватной реакции на происходящие изменения преступности, не имевших при этом ранее аналогов ни в истории отечественного уголовного законодательства, ни в современном зарубежном уголовном праве, неизбежно. Как, впрочем, неизбежна и их критика, начиная от доктринального и заканчивая правоприменительным уровнем. Между тем сути происходящего это никак не меняет. Неспособность прежних средств оказать действенный эффект на новые преступные проявления или неуправляемый рост прежних будут вынуждать законодателя искать новые способы противодействия им, в том числе и мерами уголовно-правового характера. И отсутствие тех или иных аспектов в историческом прошлом уголовного права не может выступать в качестве единственного обоснования того, почему это нельзя использовать сейчас. В этом отношении, действительно, не совсем корректное вмешательство в такое явление, как категории преступлений, на первый взгляд, вызывает больше вопросов, чем ответов. Ни история развития вопроса, ни практика его реализации в последнее столетие не предвещали именно такого направления его развития. Вместе с тем то, как складывается ситуация в данном направлении в последние несколько десятилетий, наряду с безуспешностью многочисленных законодательных попыток купировать ситуацию, указывает на необходимость реализации экстраординарных мер. И в уголовно-правовом плане, в совокупности с общесоциальными, административно-правовыми, организационными и т. д. мерами, кардинальная трансформация также объективно необходима. Простое увеличение сроков лишения свободы за преступления данной группы уже не работает. Превентивная роль данной формы реагирования, судя по всему, к определенному моменту себя исчерпала, в то время как потенциал категоризации до недавнего времени никак не использовался. Отсюда и реакция на одну из наиболее злободневных проблем посредством реализации нового и пока до конца не опробованного (крайне спорного) подхода. В этой реакции во многом заложена идея целесообразности — начала, которое опирается на возможность достижения результата в данных условиях, а не на историческую обусловленность, традиции или что-то другое, устоявшееся и понятное. С этих позиций произошедшая трансформация выглядит как своевременный, хотя и довольно смелый шаг. В свою очередь, любой поиск всегда сопряжен с постановкой цели, выбором конкретных средств и неизбежностью ошибок и заблуждений как в стратегическом, так и в тактическом аспектах. Данный случай не исключение. Необходимость решения достаточно давней проблемы очевидна, что позволяет утверждать о верности той цели, которая определяется законодателем. Вопросы, как всегда, остаются лишь к технической стороне вопроса и наличию реальной возможности его решения иными способами в рамках все той же категоризации преступлений.

Речь, по всей видимости, должна идти о состоянии опьянения, которое вполне может быть использовано при определении категорий преступлений в качестве дополнительного элемента дифференциации. Важно при этом отметить, что опыт учета именно данного обстоятельства в процессе другого правового явления — индивидуализации наказания — у отечественного законодателя уже имеется: ч. 1.1 ст. 63 УК РФ, в которой состояние опьянения выступает в качестве отягчающего обстоятельства, применяемого по усмотрению суда. То есть состояние опьянения в действующей редакции кодекса уже является критерием, направленным на индивидуализацию наказания. При этом свойством дифференциации ответственности указанное обстоятельство не наделено, что может происходить лишь в ст. 15 УК РФ, базовой для решения данной проблемы. В свою очередь усиление ответственности вне рамок указанной статьи хотя и допустимо, тем не менее требует согласованного использования с идеей законодательного разделения ответственности, реализуемой в рамках категорий преступлений. Такое согласование позволит одновременно решить целый блок задач. Во-первых, это исключит практически ничем не ограниченное усмотрение суда в случаях принятия решения о применении такого отягчающего обстоятельства, как состояние опьянения. Во-вторых, будут четко обозначены критерии (пределы) назначения наказания в виде лишения свободы. В-третьих, это позволит на законодательном уровне реализовать столь необходимый в таких случаях дополнительный классификационный критерий внутри деления преступлений на категории. В свою очередь, применение такого критерия обеспечит градацию ответственности за преступления, совершаемые по неосторожности. Помимо прочего, состояние опьянения (как критерий) должно выступать в качестве обстоятельства, обеспечивающего начало справедливости, позволяя применять более жесткий подход к тем, кто совершил преступления, при его наличии в сравнении с теми, кто допустил преступные последствия при иных обстоятельствах. На данный момент такая градация отсутствует, что обусловлено демонстрацией общего подхода ко всем, кто совершил преступные посягательства по неосторожности.

Рассуждая о технико-юридической стороне вопроса, а точнее, лишь об ее отдельном аспекте, нельзя забывать о том, что стратегически законодатель уже сделал выбор в направлении использования принципиально нового подхода в дифференциации уголовной ответственности посредством категоризации преступлений. Идея целесообразности в данном случае оказалась доминирующей, выступая в качестве начала, нацеленного на достижение результата иными, ранее недоступными способами. Отторжение этой позиции вряд ли способно изменить ситуацию. Речь, скорее, должна идти о разработке доктринального обоснования того, как категоризация может быть использована применительно к отдельным видам или группам преступных проявлений. Более того, определенная потребность комбинированного подхода к решению данной проблемы назрела уже достаточно давно, в то время как некоторый консерватизм самих категорий преступлений обсуждается в современной юридической литературе все активнее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гилинский, Я. И. Девиантность и социальный контроль в мире постмодерна: краткий очерк / Я. И. Гилинский // Общество и человек. — 2015. — № 3–4. — С. 89–99.
2. Кулева, Л. О. Категоризация преступлений как средство дифференциации уголовной ответственности в Общей и особенной частях УК РФ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л. О. Кулева. — Самара, 2019. — 244 л.
3. Бавсун, М. В. Объективность и целесообразность некоторых форм виновного вменения в уголовном праве / М. В. Бавсун, С. В. Векленко, М. Б. Фаткуллина // Правоведение. — 2006. — № 4. — С. 125–134.
4. Бавсун, М. В. Состояние опьянения как критерий дифференциации уголовной ответственности за преступления, совершаемые по неосторожности в состоянии опьянения / М. В. Бавсун // Актуальные проблемы учения о преступлении : сб. материалов науч. конф. памяти А. И. Марцева. — Омск, 2020.

Поступила в редакцию 14.04.2020 г.

Контакты: kafedramvd@mail.ru (Бавсун Максим Викторович)

Bavsun M. V.

CHANGING THE LIMITS OF THE CATEGORIZATION OF CRIMES AS A «PRIVATE» MEANS OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

Categories of crime are one of the most stable criminal law institutions. Its transformation, as a rule, is associated with a substantial adjustment not only of the norms of the General and Special Parts of the criminal law, but also of the practice of their application. The institutional nature of the classification of socially dangerous encroachments forces the legislator to approach his changes very carefully, usually without changing his essence. Particular attention in this regard is attracted by those short stories that were introduced in Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation in 2019, in fact, concerned only one criminal offense (Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation), which allows us to talk about the implementation of a “private” approach in categorizing crimes. In the future, the criminal law doctrine has yet to critically reflect on this innovation. In turn, this work is one of the first attempts to scientifically substantiate its appearance in the Criminal Code of the Russian Federation, including its own proposals for updating the newly appeared legislative requirement.

Keywords: *crime categories, criminal liability, differentiation, reckless crimes, classification.*